

ЛЕКСЕМА СТРАХ В ПОЛЬСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

ЙОАННА ВРОНА-МАЛЬСКА

Belastok, Poland

e-mail: wronkaasia@gmail.com

<https://doi.org/10.52340/lac.2022.787>

Фразеологические единицы польского и русского языков описываются в профессиональных словарях, существуют в составе общих, толковых и переводных словарей. В нашей работе мы исходим из того, что термин *фразеологизм* шире термина *идиома*. Разница между терминами *идиома* и *фразеологизм* состоит в том, что: «Фразеологизм это лексическое неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [Розенталь, 1972, 468]. *Идиомы* отождествляются с постоянными фразеологическими отношениями, «Идиомы, это фразеологические обороты с абсолютной семантической спаянностью частей, целостное значение, которых не выводится из значений составляющих их слов» [Розенталь, 1972, 468].

Сначала проанализируем несколько идиом, содержащих лексему *страх*, которые мы извлекли из русско-польского словаря Ольгерда Спиридовича [Spirydowicz, 1988, 249]: «*под страхом* – под угрозой ‘*pod groźbą*’», какого то наказания. Это обозначает в польском и в русском языках: с верой в то, что можно быть наказанным; в постоянном стрессе и неопределенности. Здесь можно сравнить лексему *под страхом* со словосочетанием *дамоклов меч*, *объясняя его*, как при видимом благополучии нависшая над кем-либо постоянно угрожающая опасность; «*на свой страх (и риск)* ‘*Na własną odpowiedzialność, na własne ryzyko*’», эта идиома не теряет своей актуальности и сегодня. Делать что-то *на свой риск* ‘*na własne ryzyko*’ используется польским и русским языками. Сейчас, люди все чаще принимают решения самостоятельно. В цивилизованном мире есть права человека, и самое основное из них — это возможность решать свою судьбу. Это связано также с эволюцией значения лексемы *страх*. Последствия неверных решений менее драматичны, страх совершить ошибку меньше. Как подтверждают лексикографические источники, эту идиому надо понимать, как «Рассчитывая только на себя, принимая на себя всю ответственность за что-либо» [Телия, 2014, 400]:. Лексическое значение этой идиомы можно принять как ответственность не только за действия и

поступки, но и за последствия этих решений. Ф.И.Молотков привел примеры употребления этой идиомы в русской литературе, например: «В убийстве великого князя я не замешан. Каляев действовал на свой страх и риск» [Молотков, 1967, 460]. В данном случае под словом *страх* можно понимать некую возможность быть наказанным за свои действия. Другой пример этого автора, «И действовали сами, – продолжал учитель, – на *собственный страх и риск*, не ожидая от меня толчков» [Молотков, 1967, 460]. В данном случае мы понимаем под словом *страх*, что ученики делают что-то с осознанием последствий, но было к кому обратиться за помощью, был учитель. Этот *страх* всегда можно было отбросить. Однако, как видно из текста, гордость и самоуверенность мешали им обратиться за помощью. Ученики сделали все *на свой страх и риск*. Приведенный выше фразеологизм является своеобразным предупреждением, предубеждением и напоминанием о том, что решения и действия принимаются под свою полную ответственность, *на свой страх и риск*.

В ходе исследования фразеологизмов мы обнаружили, что в польском языке лексема *страх* встречается с глаголом *быть*, выражающим присутствие или существование, например: «*być w strachu* ‘бояться, быть испуганным’»; «*być zdjęty (przejęty) strachem* ‘охваченный (объятый)ужасом’». В польском языке лексема *страх* во фразеологизмах встречается и с другими глаголами, например: «*napędzać/napędzić kogoś strachu* *т.ж.* *nabawić kogoś strachu* ‘нагонять/нагнать страху на кого-либо, наводить/навести страх на кого-либо, перепугать кого-либо’»; «*umierać ze strachu* ‘умирать со страху, со страха’»; «*mieć <jakiegoś> stracha* ‘бояться, трусить’»; «*strach kogoś bierze (chwyta, łapie, ogarnia)* ‘страх охватывает кого-либо, овладевает кого-либо’. В польском языке, как и в русском, глаголы описывают действие или состояние. Как видно из приведенных примеров, глаголы, входящие в состав представленных выше фразеологизмов, определяют лексему *страх*.

Хотим обратить еще внимание на фразеологизмы, сообщающие об окончании воздействия страха, например: «*nie ma strachu* ‘бояться нечего, можно не беспокоиться’»; «*już po strachu* ‘все страшное <уже> позади’. Как мы писали ранее, приведенные выше идиомы информируют о том, что страх прошел, но некоторые из них несут еще дополнительную информацию. Это предположение, что может быть что-то хуже *страха*, «*skończyło się na strachu* ‘отделался лёгким испугом кто-либо, <дело> окончилось ничем, пронесло’.

Лексема *страх* часто употребляется также в пословицах, которые определяются, как: «Образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл и, обычно, специфическое ритмо-фонетическое оформление» [Ахманова, 1969, 340]. О них писал также автор одного из старейших сборников пословиц, что это: «обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. Это коротенька притча; сама же она говорит, что „голая речь не пословица”» [Даль, 1984, 13]

Многие русские пословицы, собранные В.М.Мокиенко, Т.Г.Никитиной, Е.К. Николаевной [Мокиенко, 2010, 879] говорят о последствиях страха и способах его

преодоления, например: «Иди вперед — лучше: *страх* не берет» — если мы преследуем свои цели, реализуем свои намерения, мы просто движемся вперед и не боимся, мы не чувствуем страха; «Одному не *страшно*, а двум веселей» — когда мы одни, мы не должны испытывать страх, а когда нас двое, это счастливее, веселее; «*Страху* в глаза гляди, не смигни, а смигнешь — пропадешь» — смотри в глаза *страху*, не моргай, но если ты моргнешь, то пропадешь. Эта пословица несет похожее сообщение, как: «У *страха* большие глаза», которая относится польской пословице ‘*Strach ma wielkie oczy*’, а толкуется — страх преувеличивает опасность; «Кто смерти не боится, — невелика птица, а вот кто жизнь полюбил, тот *страх* загубил» — кто не боится смерти, тот сравнивается с маленькой птичкой, но тот, кто любит жизнь, потеряет *страх*. Приведенные выше примеры заставляют осознать, что не надо бояться смерти — это совсем другое, чем любить жизнь. Любовь к жизни может преодолеть страх, но отсутствие страха перед смертью не свидетельствует о любви к жизни.

Страх, в самом главном, в пословицах и поговорках часто изображается, как живое существо. У него есть органы чувств, такие как глаза, например: «У *страха* глаза, что площадки, а не видят и крошки». У страха глаза огромные, в пословице их сравнивают с мисками, но страх слеп, он и крошки не видит. В польском и русском языках также есть поговорки, в которых слово *страх* употребляется для определения количества, расширяя это количество до бесконечности, например: *aż strach pomyśleć, powiedzieć, strach, сколько stoit* (что или сколько мы потеряли или приобрели или в смысле значения вопроса, того, что, если?).

Хотим также обратить внимание на польский фразеологизм, в котором страх воспринимается как еда. «*Najeść się strachu – przeżyć chwile wielkiego strachu, przerażenia*» [M.Szymczak, 1981, 1103] в значении: испытать моменты великого страха и ужаса. В русском языке аналогом этого фразеологизма является «натерпеться *страху*» [Lukszyn, 1998, 386].

Во фразеологизмах и пословицах, как выше указано, лексема *страх* появляется в сходных значеньях на польском и русском языках. В обоих языках также выступает много синонимов этой лексемы, например: *паника, фобия, жуть, испуг, ужас, тревога, опасение, опаска, боязнь ‘lęk, przestrasz, obawa, zdenerwowanie, trwoga, bojaźń, panika, przerażenie, popłoch, groza, histeria, niepokój’*.

Пословицы относятся, к числу древнейших языковых произведений, дошедшим до наших дней. К таким принадлежит польская пословица «*Kto ze strachu umiera temu w kobyli łeb (w pierzyny, w dym, w tchórze skóry, w słomiany dzwon, dyniami, pierwotnie zaś przed uprzyzwoiczeniami: bździnami) dzwonią*» [Kopaliński, 1993, 1108]. Как подчеркивает В.Копалиньски, здесь скрывается старая грубая креативность, средневековых студентов, говорящая о последствиях, которые могут постигнуть человека, если его одолевает страх. Если мы предположим, что смерть состоит в потере контроля над нашими чувствами, то есть: осязанием, слухом, вкусом, обонянием и зрением, мы не можем совершать никаких действий. Наше тело функционирует так, как у мертвого человека. Находясь под

влиянием страха, человек может стать обузой для своих сослуживцев и даже тем, кто снижает боевой дух, например, среди бойцов. Мы можем говорить о человеке, который бесполезен из-за своего психического и физического состояния. Звон церковных колоколов во время похорон является данью уважения усопшему и относится к христианской традиции. В выше указанной пословице, для человека, который умирает от *страха*, церковные колокола не звонят. Ему звонят в гагачьи одеяла, дым, соломенные колокольчики, тыквы, то есть звонят предметами, которые не издают звука. А если звука не слышно, церковные колокола не звонят на похоронах, значит, никто не поминает усопшего, никто не воздает ему дань. Эта пословица также толкуется немного по-другому. Глагол умереть несовершенного вида. В медицине под умиранием понимается процесс, происходящий в последний период жизни, но жизнь еще продолжается и человек не умер и, может быть, выздоровеет. Смерти от *страха* не будет, и не надо будет звонить в церковные колокола. Также следует учитывать тот факт, что *страх* это: «*Niepokój wywołany przez niebezpieczeństwo lub rzecz nieznaną, która wydaje się groźną przez myśl o czymś groźącym*» [Szymczak, 1989, 343].

Страх не убивает, говорят, он помогает в некоторых ситуациях. *Страх* вызывает эмоции и только в результате этих переживаний человек может умереть. Смысл этой пословицы также является предостережением против того, чтобы поддаваться пассивно страху. Другую, очень древнюю пословицу «*Wyglądać jak strach na wróble* ‘Выглядеть как пугало воробей’» М. Банько описывает, как: «*Strach na wróble to, kukła zrobiona ze słomy i szmat mająca odstraszać ptaki*» [Bańko, 2000, 696]. Автор также добавляет, что если кто-то похож на чучело, то у него порванная одежда, он оборванный и т. д.

При анализе этой пословицы, мы учитывали тот факт, что пугала в Польше всегда должны были быть похожими на людей, хотя они были сделаны из палок и тряпок, они имитировали человеческий силуэт. Их ставили в садах и полях для отпугивания вредных птиц, особенно воробьев. Отсюда и пошло название куклы-чучела ‘*strach na wróble*’. Здесь пример употребления слова *страх* в качестве названия, определенного предмета, вещи, своего рода чучела, используемого в земледельческой культуре. Сравнить человека, а точнее его внешность, с чучелом ‘*strachem na wróble*’ обидно, грубо, некультурно. Однако силуэт чучела ‘*stracha na wróble*’ глубоко укоренился в польской этнографии.

Анализируя материал исследования, мы заметили, что в русском языке часто употребляется лексема страха, множественное число от слова *страх* – *страхи*, обозначает это: «Представления, события или предметы, пугающие чем-нибудь, вызывающие чувство боязни, ужаса, опасения» [Ушаков, 2009, 1017-1018]. В польских фразеологизмах лексема *страх* во множественном числе встречается очень редко. В исследованном материале мы обнаружили её только в одном примере: «*Strachy na lachy*» в значении «нечего бояться» или «*gróźnie kogoś straszyc* ‘зря кого-то пугать’» [Szymczak, 1989, 343]. В русском фольклоре часто употребляется фразеологизм «в страхе божьем», который толкуется, как: воспитывать, держать кого-то в полном повиновении, в покорности. На наш взгляд, лучшим примером пояснения данного фразеологизма будет следующая цитата: «Невесток

она содержала в страхе божьем. Недаром в русской песенке свекров поет: „Какой ты мне сын, какой семьянин! Не бьешь ты жены, не бьешь молодой...”» [Молотков, 1967, 461].

Также следующий фразеологизм, содержащий лексему *страх*, относится к фольклору, религии, следованию определенным нормам и правилам. «Не за *страх*, а за совесть», толкуется как: очень хорошо, добросовестно. Наши исследования подтверждают, что популярность этого фразеологизма в коммуникации уменьшается. Причиной этого может быть менее частое использование слова *совесть* в различных типах дискурсов. В современном русском языке существует несколько синонимов слова *совесть*, например: *стыд*, *ответственность*, *убежденность*. В польском языке понятие «совесть 'sumienie'» неоднозначно и часто ассоциируется с католической религией, с *испытанием совести*. Некогда понимается как «właściwość psychiczna, zdolność pozwalająca odpowiednio oceniać własne postępowanie jako zgodne lub niezgodne z przyjętymi normami etycznymi» [Szymczak, 1989, 371].

Русский фразеологизм «Рыцарь без *страха* и упрека» отсылает к очень древним временам. Он намекает на феодальные традиции в Европе. А.И. Молотков [Молотков, 1967, 404] объясняет это выражение следующим образом: «Человек высоких нравственных достоинств» и дает примеры употребления этой идиомы в литературе: «Ведь, вод оказывается она, не знала своего мужа! А когда то он ей казался героем, рыцарем без *страха* и упрека». С.И. Ожегов пишет, что употребляя фразеологизм «Рыцарь без *страха* и упрека» в общении, говорим о человеке: «деятельном, смелом, во всем безупречном» [Ожегов, 2007, 902].

Русский язык изобилует фразеологизмами, пословицами и поговорками. В *Большом словаре русских пословиц* [Мокиенко, 2010, 404] мы обнаружили пословицы, содержащие лексему *страх*, которые относятся к различным сферам жизни, они также несут информацию о традициях, религии и образах жизни, например: Всяк *страх* изгоняет любовь; Всякий *страх* в дому хорош; Где *страх* тут и благочестие; В ком есть *страх*, в том и бог; Кто худо живет, тот без *страха* не бывает; Не потакай своим, чтобы задать *страха* чужим. Анализируя пословицы, помещенные в том же словаре, наше внимание обращаем на то, что многие из них, содержат в составе лексемы *страх* и *враг*, например: *Страх* – худший *враг*; *Страх* – первый помощник *врага*; Смелого да умного и *страх* не возьмет и *враг* не побьет. По нашему мнению, встречаемость лексемы *страх* и *враг* во многих пословицах рядом друг с другом обусловлена тем, что *страх*, т.е. явление, ситуация, вещи, которых мы боимся, которые вызывают *страх*, являются нашим врагом. В этих случаях *страх* понимается как *враг*.

В этом же словаре, мы выделили и такие пословицы, в которых говорится о хорошем или плохом воздействии *страха*, например: *Страх* до беды не приводит; *Страх* придает крылья. Тексты пословиц подчеркивают разнообразие эффектов, которые *страх* оказывает на людей: «Один со *страху* умер, другой ожил»;

Приведенные в нашей работе примеры фразеологизмов, которые не имеют установленного источника, взяты из двухтомного польско-русского фразеологического словаря [Гюлумянц, 2004].

Общеславянская лексема *страх*, которая используется в польском и русском языках называет неприятное и сильное чувство, вызванное многими факторами в чрезвычайной ситуации. Об этимологии лексемы *страх* в польском языке А. Brückner писал: «*Strach, straszyć, straszycło; straszny; nieustraszony; strachajło; strachować (15. wiek), strachowisko, strachowity, strachliwy, straszwy (biblia); postrach, przestrich ; prasłowiańskie (u Łużyczan bez s-: trach); cerkiewne strach, itd.; zgrubiale do strad-*» [Brückner, 1989, 517-518].

Проанализировав исследовательский материал, которым являются польские и русские фразеологизмы, пословицы и поговорки с лексемой *страх*, мы предполагаем, вслед за А. Вежбицкой, что *страх*: «to uczucie, jakie towarzyszy niechceniю tego, co może być 'это чувство нежелания того, что может быть'» [Wierzbicka, 1971, 40] .

Наше исследование показывает, что само значение лексемы *страх* мало изменилось. Однако не все фразеологизмы и пословицы с этой лексемой несут актуальные сообщения. Успехи науки, лучшее понимание природы, технические изобретения, развитие коммуникаций и общий прогресс цивилизации позволяют объяснить многие прежние явления и ситуации, вызывавшие страх. Люди все больше познают окружающий мир. Понимают принципы человеческой психики, и то, что было ужасно несколько десятилетий назад, теперь становится известным и исследуемым. Концепция страха просто эволюционирует. Страх/страхи изменяются, в результате чего некоторые фразеологизмы и пословицы с лексемой *страх* используются реже и часто не до конца понимаются обществом.

Библиография:

- Ахманова О.С. (1969): Словарь лингвистических терминов, Издательство «Советская энциклопедия». Москва.
- Гюлумянц К. (2004): Польско-русский фразеологический словарь. В двух томах Т. 2, Издательский центр Экономпресс. Минск.
- Даль В. (1984): Пословицы русского народа, Издательство «Художественная литература». Москва.
- Мокиенко В.М., Никитина Т. Г, Николаева Е. К. (2010): Большой словарь русских пословиц, Издательство «Олма Медиа Групп». Москва
- Ожегов С.И. (2007): Словарь русского языка, Издательство «Мир и образование». Москва.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. (1972): Справочник лингвистических терминов, Издательство «Просвещение». Москва.
- **Телия В.Н., Гудков Д.Б. (2014): Большой фразеологический словарь русского языка, Издательство АСТ-Пресс Книга. Москва.**
- Ушаков Д.И. (2009): Большой толковый словарь современного русского языка, «Издательство Альта-Принт». Москва.
- Фразеологический словарь русского языка, ред. Ф.И. Молотков (1967), Издательство «Советская энциклопедия». Москва.
- Bańko M. (2000): Inny słownik języka polskiego, Издательство «Wydawnictwo Naukowe PWN». Warszawa.

- Brückner A. (1989) , Słownik etymologiczny języka polskiego, Wydawnictwo Wiedza Powszechna. Warszawa.
- Kopaliński W. (1993): Słownik mitów i tradycji kultury, Издательство «Państwowy Instytut Wydawniczy». Kraków.
- Słownik języka polskiego, ред. M.Szymczak (1989): том 3, Издательство Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa.
- Spirydowicz O. (1988): Rosyjsko-polski słownik idiomów, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszaw.
- Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski i rosyjsko-polski, ред. J.Lukszyn (1998), Издательство Harald G Dictionaries. Warszawa.
- Wierzbicka A. (1971): Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne. Państwowe Wydawnictwo Wiedza Powszechna. Warszawa.

Ioanna Vrona-Malska
Belastok, Poland

Lexeme Fear In Polish And Russian Phraseological Units, Proverbs And Sayings

Abstract

In the article we analyze the lexeme fear from the point of view of linguistics.

The lexeme fear refers to a group of words that come from a common ancestor, but are now used in many Slavic languages, for example: Polish, Russian, Czech. This word has a common etymology in both Polish and Russian.

First of all, we study the meaning of phraseological units containing the word fear in Polish and Russian. From the research material, which includes Polish and Russian proverbs and sayings, we are trying to highlight the same and different meanings of the lexeme fear. An analysis of this type allows us to determine how the meaning of the word fear has changed in Polish and Russian.